

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Межуев Д. О. Балтийский вопрос во внешней политике России (1558—1730 годы) / Д. О. Межуев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 402—416. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-402-416.

Mezhuev, D. O. (2023). Baltic Question in Russia's Foreign Policy (1558—1730). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 402-416. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-402-416. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-402-416

Балтийский вопрос во внешней политике России (1558—1730 годы)

Межуев Дмитрий Олегович
orcid.org/0000-0001-9720-906X
аспирант кафедры истории России
с древнейших времен
до начала XIX века ¹;
исполнитель проекта отдела
сопровождения научных проектов ²
PNLafayette@gmail.com

¹ Российский
государственный университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

² Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-28-01407,
<https://rscf.ru/project/22-28-01407/>

Baltic Question in Russia's Foreign Policy (1558—1730)

Dmitry O. Mezhuev
orcid.org/0000-0001-9720-906X
Postgraduate Student,
Department of History of Russia
from Ancient Times to the Beginning
of the 19th Century; ¹
Executor of the Project, Department
of Scientific Projects Support ²
PNLafayette@gmail.com

¹ The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

² Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported
by the Russian Science Foundation,
grant № 22-28-01407,
<https://rscf.ru/project/22-28-01407/>

© Межуев Д. О., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о развитии внешнеполитического курса Российской империи в Балтийском регионе после смерти Петра I как продолжении внешней политики Ивана Грозного. Целью работы является изучение преемственности внешней политики на Балтике в общероссийском масштабе. В основу исследования положены делопроизводственные источники: переписка французского представителя в России Жака де Кампредона, записки и деловая переписка вице-канцлера Российской империи, барона А. И. Остермана. Используются делопроизводственные материалы коллегии иностранных дел, взятые из архива института истории Российской академии наук. Особый упор сделан на анализ влияния и значения Балтийского вопроса в контексте развития внешней политики Российской Империи в первые годы после смерти Петра I. Продемонстрировано влияние Балтийского вопроса на внешнюю политику России в XVIII веке в условиях формирования военно-политических блоков в Европе после Войны за испанское наследство. Автор приходит к выводу, что преемственность Балтийского вопроса прослеживается со времён Ивана Грозного до Петра I и его наследников. Утверждается, что субъективные факторы оказывали сильное влияние на внешнеполитический курс России в первые послепетровские годы, но успешно нивелировались внешнеполитическим ведомством под руководством А. И. Остермана.

Ключевые слова:

Российская Империя; внешняя политика; Гольштейнский вопрос; Пётр I; Иван Грозный; Екатерина I.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the development of the foreign policy of the Russian Empire in the Baltic region after the death of Peter I is considered as a continuation of the foreign policy of Ivan the Terrible. The aim of the work is to study the continuity of foreign policy in the Baltic on an all-Russian scale. The study is based on clerical sources: correspondence of the French representative in Russia, Jacques de Campredon, notes and business correspondence of the Vice-Chancellor of the Russian Empire, Baron A. I. Osterman. Record keeping materials of the Collegium of Foreign Affairs, taken from the archives of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences, were used. Particular emphasis is placed on the analysis of the influence and significance of the Baltic issue in the context of the development of the foreign policy of the Russian Empire in the first years after the death of Peter I. The influence of the Baltic question on the foreign policy of Russia in the 18th century in the context of the formation of military-political blocs in Europe after the War of the Spanish Succession is demonstrated. The author comes to the conclusion that the continuity of the Baltic issue can be traced from the time of Ivan the Terrible to Peter I and his heirs. It is argued that subjective factors had a strong influence on the foreign policy of Russia in the first post-Petrine years, but were successfully leveled by the foreign policy department under the leadership of A. I. Osterman.

Key words:

Russian Empire; foreign policy; Holstein question; Peter I; Ivan groznyj; Catherine I.

Балтийский вопрос во внешней политике России (1558—1730 годы)

© Межуев Д. О., 2023

1. Введение = Introduction

В настоящее время вопросы внешней политики России в Балтийском регионе [Краснянский, 2019, с. 5; Феоктистов, 2012, с. 51], а также сравнения Ивана Грозного и Петра I [Алиев и др., 2021, с. 212] стали вновь подниматься в научных трудах. Нынешняя активизация внешней политики самой России и ее соседей на данной территории делает актуальным анализ опыта внешней политики России в этом регионе в прошлом.

Цель настоящей научной работы предполагает изучение внешнеполитического курса России в Балтийском регионе как продолжения политики Ивана Грозного и Петра I при первых наследниках Петра I с середины 1720-х по 1730-е годы.

Рассматриваемый период интересен прежде всего тем, что именно на него пришелся первый серьезный внешнеполитический кризис созданной Петром I империи. После Северной войны, когда Россия стала одной из Великих держав, ей надлежало удержать с трудом заработанный статус. Оказавшиеся у власти монархи-наследники Петра Великого с трудом представляли себе государственные интересы, тем более имели слабое понятие о тонкостях внешней политики, чем отчасти и было вызвано обострение в Балтийском регионе во второй половине 20-х годов XVIII века. Лишь только умелое вмешательство приближенных к власти лиц позволило избежать нового витка эскалации в Балтийском регионе и вывести Россию из конфликта без потерь территорий или статуса в международных делах.

Балтийский вопрос, существовавший во внешней политике России со времен Ивана Грозного и вновь оживленный Петром I и его наследниками, не только стал краеугольным камнем западного направления внешней политики России, но и оказывал влияние на всю дипломатию первых наследников Петра I. Оживленный поиск его разрешения способствовал складыванию внешнеполитического курса страны, который в итоге просуществовал до конца XVIII века.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проведенные исследования позволили сделать заключение о сложном внешнеполитическом положении России в период после смерти Петра I

до первых лет правления Анны Иоанновны. Для реконструкции картины внешней политики России после смерти Петра I в основу работы были положены письма французского представителя в России Ж. де Кампредона из «Сборника Императорского Русского исторического общества». Приводимые им сведения представляют ценность, потому как сам Ж. де Кампредон провел в России не один год, был, по-видимому, весьма хорошо образован, прекрасно представлял себе картину международных отношений изучаемого периода, а также сумел наладить в столице России обширную сеть шпионов и доносчиков, что позволяло французскому представителю быть в курсе государственных российских дел. Также использованы выписки из конференций, мемориалов и взаимных сообщений между российскими и австрийско-цесарскими бывшими министрами в России, сохранившиеся в архиве Института истории Российской академии наук. Данный источник был составлен в начале XIX века Н. Н. Бантыш-Каменским и представлял собой перечень всех входящих и исходящих писем коллегии иностранных дел с пересказанным кратким содержанием.

Особого внимания заслуживают рассуждения вице-канцлера Российской империи А. И. Остермана «о персидских делах», его же «Генеральное состояние дел и интересов всероссийских» и переписка с Б. И. Куракиным и А. Г. Головкиным на Суассонском конгрессе. А. И. Остерман, вице-президент коллегии иностранных дел и вице-канцлер Российской империи, был в курсе всех внешнеполитических дел государства. Его влияние на политические события и понимание дипломатических процессов прослеживаются в подаваемых им Екатерине I записках. Именно А. И. Остерман стал инициатором сближения России и Австрии, а также последовавшего выхода России из соглашения с герцогом Карлом Фридрихом Гольштейн-Готторпским по вопросу возвращения последнему Шлезвига, чем и была поставлена точка в Гольштейнском вопросе во внешней политике Российской империи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Внешняя политика России на момент смерти Петра I

Царствование Петра I стало для России и её внешней политики временем важнейших перемен. Одолев в нелёгком противостоянии северного соседа и став одной из великих европейских держав, Россия выступала не просто региональной сверхдержавой, но уже одним из крупнейших игроков в международных отношениях. Подобный высокий статус не только расширял горизонт возможностей, но ставил также и качественно новые задачи перед внешнеполитическим ведомством.

Балтийский вопрос во внешней политике России был очерчен задолго до царствования Петра I. Цикл Балтийских войн был открыт Иваном

Грозным ещё в XVI веке и завершился только в 1617 году, когда Россия полностью утратила выход к Балтийскому морю [Филиюшкин, 2018, с. 31]. Безусловно, спустя почти столетие Пётр I выступил продолжателем начатой Иваном Грозным политики «движения на Балтику». Более того, сам Пётр I, судя по всему, считал себя продолжателем начатой Иваном Грозным политики, о чем свидетельствует празднование дня рождения Анны Петровны 27 января 1722 года, когда в Санкт-Петербурге была сооружена триумфальная арка с изображением Ивана Грозного с надписью *Incipit* (начал) и изображением самого Петра I с надписью *Perfecit* (усовершенствовал) [Берхгольц, 1902, с. 40—41]. Примечательно и внешне демонстрировалась преемственность монархов. Иван Грозный изображался в старой царской короне, Пётр I — в новой императорской короне, чем дополнительно подчёркивалось право Петра I на новый императорский титул. Принятый Иваном Грозным царский титул был императорским по своему статусу, а потому новый императорский титул Петра, согласно данному идеологическому посылу, оказывался взят «не просто так», но имел под собой прочные основания в прошлом. Имела место, судя по всему, и личная симпатия Петра I к Ивану Грозному [Эйльбарт, 2022, с. 378]. Таким образом, Пётр I наглядно показал, что принял эстафету Ивана Грозного, а его дело уже было продолжено наследниками и потомками.

Сам внешнеполитический курс России в первой половине XVIII века можно разделить на два направления: восточное (отношения с Персией и Турцией) и западное (с европейскими странами, государствами побережья Балтийского моря). Обозначенные направления не следует отделять друг от друга, но необходимо рассматривать в целом. Особенно стоит выделить западное направление, потому как оно в царствование Петра I и его последователей выступало определяющим. От него, в числе прочего, зависело развитие дипломатических отношений России со странами Востока. Одной из особенно болезненных проблем западного направления внешней политики, конечно, следует выделить Балтийский вопрос.

На момент смерти Петра I Россия сумела продемонстрировать себя сильным региональным и общеевропейским игроком. В 1725 году, когда в Европе (на фоне общего недовольства результатами войны за испанское наследство) [Черняк, 1993, с. 439] стали складываться военно-политические блоки (Венский и Ганноверский), Россия не являлась участником какого-либо из них, при этом «восточный гигант» представлялся одним из сильнейших возможных союзников для каждого из военно-политических блоков. После победы над Швецией именно Российская империя располагала если не сильнейшей, то одной из наиболее мощных армий Европы. Такой союзник выглядел в равной степени желанным как для Венского

блока (Испания и Австрия), так и Ганноверского союза (Англия, Франция, Пруссия). Более того, Россия имела равные шансы для присоединения к любому из Европейских блоков. Можно сказать, что от неё зависела судьба европейского «баланса сил».

Заклучив в 1726 году союз с Австрией, Россия вступила в Венский блок держав. Этот союз на столетия предопределил развитие внешнеполитической линии Российской империи. Одной из главных причин такого союза, конечно, стал Балтийский вопрос во внешней политике России. И здесь также прослеживается параллель с царствованием Ивана Грозного. В XVI веке московский царь не намеревался останавливаться на Ливонии. Согласно запискам иезуита А. Поссевино, после завоевания Ливонии Иван Грозный, кроме ряда титулов, отсылая письма туркам, называл себя в них и германским императором [Поссевино, 1983, с. 62]. Он стал говорить о своем происхождении «от Пруса — брата цезаря Августа», чем хотел укрепить дружбу с Карлом V [Там же]. Таким образом, судя по этим словам, Грозный хотел продвигаться дальше в Германию. Весьма интересное замечание привел Н. И. Костомаров в своем сочинении «Царь Иван Васильевич Грозный». Историк отмечал, что в 1584 году по инициативе боярина Богдана Бельского царь составил дополнительное завещание о передаче престола эрцгерцогу Эрнсту Австрийскому [Костомаров, 1912, с. 418].

В XVIII веке Балтийский вопрос, по существу, сводился к Гольштейнскому вопросу герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Последний претендовал на отторгнутые от него по результатам Северной войны владения датского короля в Северной Германии — Шлезвиг. На закате своего правления одним из гарантов возвращения Шлезвига Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому выступил Пётр I. Сложно сказать, насколько серьёзно был настроен Пётр I в отношении возвращения спорных владений обратно герцогу, были ли его планы по подготовке войны с Данией действительны или представлялись лишь рычагом давления в вопросе беспопытного прохода русских судов через контролируемый Данией пролив Зунд на выходе из Балтийского моря. Однако в контексте смерти Петра I данный вопрос не так важен. После кончины государя, когда к власти пришла его супруга — Екатерина I, вопрос обрел качественно новую форму династической проблемы даже не столько самой России, сколько дома Романовых. Именно в годы царствования Екатерины I Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский стал супругом императорской дочери Анны Петровны [Сб. ИРИО, т. 58, с. 353], а потому вопрос возвращения Шлезвига герцогу оказался в действительности поставлен во главу угла внешней политики Российской империи. В отличие от покойного супруга Екатерина I поставила вопрос окончательно и безальтернативно, что, в конечном ито-

ге, стало краеугольным камнем во всей внешней политике России 1725—1727 годов.

Последние годы Петра I в вопросе развития отношений со странами Западной Европы можно было бы охарактеризовать как вооружённый нейтралитет. По существу, если не брать во внимание Стокгольмский договор со Швецией, Россия не стремилась вступать ни в какие долгосрочные отношения со странами Западной Европы, придерживаясь известной «свободы рук». Россия умело использовала возможных союзников для решения проблем на восточном направлении внешней политики. Такой участи удостоилась Франция в последние годы правления Петра I, услуги которой Россия использовала для заключения выгодного договора с Турцией по разделу сфер влияния в Персии [Остерман, 1828, с. 11]. Став посредником в отношениях между Россией и Турцией в проблеме раздела сфер влияния в Персии после Каспийских походов Петра I, Франция обеспечила мирное сосуществование двух стран на Востоке [Сб. ИРИО, т. 58, с. 339—341]. Конечно, в ответ она рассчитывала за добрую услугу укрепить отношения с Российской империей, противопоставив её, таким образом, Австрии. Таково было, во всяком случае, мнение А. И. Остермана [Остерман, 1828, с. 24]. Однако Пётр I не решился ни на какое углубление добрых отношений с монархией Бурбонов. В какой-то момент даже французский дипломат в Санкт-Петербурге Ж. де Кампредон стал признавать факт того, что переговоры не имели никаких результатов [Сб. ИРИО, т. 52, с. 389]. Крест на продолжении обсуждения союза, конечно, поставила смерть царя, поскольку верительные грамоты Ж.-Ж. де Кампредона утратили статус [Там же, т. 58, с. 52]. Русские министры стали тянуть время настолько чрезмерно, что это стало вызывать возмущение даже в переписке французского посланника [Там же, с. 118]. Не состоялось тогда сближения и с Габсбургами. Разрыв отношений с Веной пришлось на весну 1719 года [Никифоров, 1959, с. 214]. Восстановление тем не менее началось осенью того же года, но развивалось крайне медленно. И, хотя на тот момент разговоры не раз вновь заходили о возможном союзе, шаги в этом направлении не предпринимались [Там же, с. 243]. Достигнув известной пользы для России на восточном направлении внешней политики, Пётр I закрыл или «поставил на удержание» все переговоры о возможных политических или торговых союзах со странами Западной Европы.

3.2. Разрешение Балтийского вопроса при наследниках Петра I

Как уже отмечалось, смерть Петра I сильно изменила приоритеты во внешней политике России. Тому, как известно, было две причины. Первая сводилась к крутой перемене в отношении Гольштейнского вопроса, который Екатерина I воспринимала больше даже не как государственное, но личное

достижение в интересах если не себя, то династии. Второй момент сводился к обозначенным уже Венскому и Ганноверскому военно-политическим блокам, которые сформировались в Европе в 20-е годы XVIII века. В условиях, когда вся Европа раскололась на противостоящие друг другу политические блоки, оставаться страной нейтральной и безучастной было крайне сложно.

Чтобы сохранить *status quo*, Россия могла выбрать из двух возможных союзников, кто обеспечил бы её безопасность как на западном, так и на восточном направлении внешней политики. Выбор был невелик: Франция или Австрия. Оба варианта рассматривались как возможные союзники. Одним из главных действующих лиц русской дипломатии — А. И. Остерманом — для императрицы Екатерины I была составлена специальная записка, где прямо объяснялись преимущества и опасности союза с той или иной стороной. Изучив текст поданной А. И. Остерманом записки, можно сделать вывод, что оба варианта рассматривались русским двором в равной степени возможными. Франция могла стать хорошим торговым партнёром, обеспечить безопасность на западном и восточном направлениях дипломатическим путем [Остерман, 1828, с. 24]. Более того, 7 апреля 1725 года при русском дворе было решено возобновить переговоры с Францией о союзе, инициаторами чего стали светлейший князь А. Д. Меншиков и вице-канцлер барон А. И. Остерман [Сб. ИРИО, т. 58, с. 93]. Влияние Франции в Османской империи было весьма значительным, чтобы удержать Турцию от продвижения на территорию Персии и упредить возможные конфликты. Аналогичным образом Австрия рассматривалась как гарант западной и восточной стабильности России, но уже больше за счёт своего военного потенциала [Остерман, 1828, с. 39—40]. Сильный союзник России на западе и востоке выступал сильным сдерживающим фактором против агрессии в отношении России. Вдобавок эрцгерцог Австрии являлся также Императором Священной Римской империи, что косвенно могло стать сильной картой в деле признания странами Европы императорского титула за русским монархом.

Ключевым в деле определения будущего союзника стал именно Балтийский вопрос во внешней политике России. Выступая непримиримым заступником интересов герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, Екатерина I настроила всю внешнеполитическую линию Российской империи на достижение к поставленной цели. Риторика в отношении датского короля, датских посланников в Санкт-Петербурге стала крайне агрессивной [Сб. ИРИО, т. 58, с. 167]. С другой стороны, агрессию и решимость русской императрицы должны были подтвердить регулярные военные учения русских войск в прибалтийских губерниях. Не прибавляли оптимизма датской короне и регулярно распускаемые слухи голштинцев при русском дворе о готовящейся войне против Дании [Там же, с. 72].

Конечно, всё это не могло не вызывать ответной реакции со стороны Дании и её союзников. В 1725 году союзниками и гарантами владений в Шлезвиге за датским королём выступали Англия и Франция [Некрасов, 1976, с. 25]. Таким образом, принимая во внимание всю непримиримость Екатерины I в Гольштейнском вопросе, можно сказать, что на возможном будущем союзе с Францией был поставлен крест. Как только переговоры о будущем союзе с этим государством были начаты, они сразу же споткнулись о непримиримое противоречие в Балтийском вопросе. Более того, неуступчивость Екатерины I совсем не играла на пользу российской дипломатии. Как только европейские монархии убедились в недоговороспособности русского двора, чтобы предупредить агрессию России на западном направлении, французская дипломатия принялась отвлекать внимание России на восточное направление внешней политики. Так, французский представитель в Константинополе маркиз д'Андрезель получил приказ «более не поддерживать русских министров при Порте» [Сб. ИРИО, т. 64, с. 35]. Сигнал для Турции был довольно ясный. Стоило только Блистательной Порте увидеть, что Россия на Востоке осталась без сильных союзников, риторика в вопросе разделения сфер влияния в Иране сразу стала менее дружелюбной.

Турция была заинтересована прежде всего в торговых маршрутах, которые проходили в Индию через бассейн Каспийского моря. Ещё Петр I заполучил эти торговые маршруты в пользу России в результате войны с Персией. Как современник событий, Ж. де Кампредон сумел оценить значение этих торговых путей. В одном из своих писем французскому министерству иностранных дел он сообщил, что провозить через территорию России товары из Персии и Китая можно в два раза дешевле, чем через Смирну или Алеппо [Там же, т. 49, с. 342]. Уже в другом своём письме он сообщил об убытках русского двора в Персии (в результате погрома в Шемахе). Он писал, что русское купечество понесло убытки на половину миллиона рублей [Сб. ИРИО, т. 406, с. 306]. Одного этого достаточно, чтобы русскому правительству обеспокоиться судьбой новообретенных провинций. Если Турция заполучила бы обозначенные торговые пути в свою пользу, то смогла бы обеспечить себя солидными суммами с проходивших там транзитом товаров.

Как уже отмечалось, влияние Франции в Османской империи было особенно велико. Как только вопрос о возможном союзе с Россией повис в воздухе, чтобы не допустить распространения «русской агрессии» на запад, французская дипломатия принялась создавать против Российской империи турецкую угрозу на востоке. Дело разграничения прикаспийских провинций между Россией и Османской империей шло с трудом, ни одна из сторон не была готова к уступкам. Когда Франция перестала поддержи-

вать российские интересы при дворе султана, правительство Османской империи восприняло это как сигнал для расширения агрессивной риторики в отношении России. К этим проблемам для России прибавилось и то, что в Персии в 1725 году случился государственный переворот, который не замедлил перерасти в ожесточенную междоусобную войну. С одной стороны, в конфликте участвовал персидский шах Тахмасп II, а воевал против него афганский Мир Ашраф шах [Соловьев, 1993, с. 9]. Также проблемой для российского правительства была задача заставить персидского шаха Тахмаспа II признать разграничение в Персии между Россией и Турцией и склонить его к подписанию соответствующего трактата [Остерман, 1828, с. 11]. В 1726 году вице-канцлер А. И. Остерман писал, что дела в провинциях обстоят не иначе как «худо» [Там же, с. 13]. В связи с этим в регион постоянно снаряжались подкрепления, а назначение комиссии по разграничению откладывалось [Сб. ИРИО, т. 58, с. 350]. Таким образом, европейской дипломатии удалось на некоторое время отвлечь Россию от западного направления внешней политики. Однако следует отдать должное непримиримости Екатерины I в деле защиты интересов зятя.

Когда при русском дворе стало очевидно неучастие Франции, а агрессивные нотки в отношениях с Османской империей набрали силу, вариантов, кроме как заключить военно-политический союз с Австрией (с которой даже не поддерживалось постоянного дипломатического представительства, если сравнивать с русско-французскими отношениями), не осталось. Сам вице-канцлер А. И. Остерман делал ставку именно на Австрию в своих рассуждениях о делах в Персии и Турции [Остерман, 1841, с. 153—155].

Осенью 1725 года Ж. де Кампредон предупреждал начальство, что угроза интересам России в Турции может вынудить русский двор вернуться лицом к Австрии [Сб. ИРИО, т. 64, с. 44.]. Произошло именно так. Уже 1 ноября 1725 года секретарь австрийского посольства в Петербурге Н.-С. Гогенгольц появился в коллегии иностранных дел и на конференции с А. И. Остерманом, Г. И. Головкиным и П. А. Толстым в общих чертах предложил союзный договор России и Австрии [А СПб ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 89, л. 5]. На тот момент Россия формально ещё не отступила от намерений заключить союз с Францией и Англией. Однако, на фоне понимания всей бесплодности намерения склониться в пользу союза с Францией, 12 ноября последовал положительный ответ на предложение Австрии [Там же]. 16 апреля 1726 года в Санкт-Петербург прибыл граф А. Рабутин [Там же, л. 50б]. Он почти сразу же был принят Екатериной I (18 апреля). Как подметил свидетель событий Ж. де Кампредон в своей реляции в Версаль на следующий день после самого события, «такой чрезвычайной поспешности никогда ещё не выказывали

ни с одним иностранным министром» [Сб. ИРИО, т. 64, с. 348]. И это действительно так. На примере самого Ж. де Кампредона можно увидеть, что он сам добивался аудиенции с Екатериной I с 1725 года, так и не получив таковой до марта 1726 года [Там же, с. 300].

Договор России и Австрии действительно был разработан в короткие сроки и предусматривал решение сразу нескольких проблем во внешней политике России. Австрия обязалась помочь герцогу Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому в достижении Шлезвига (в отношении Дании у неё не было никаких обязательств), выступила военным союзником России на восточном направлении, предупредив агрессию Османской империи, а сам союз приблизил момент признания императорского титула за русским государем. Сам по себе факт союза, общения на равных, приёма послов приближал момент признания Австрией императорского титула [Брикнер, 1868, с. 534—535].

Новообретённый союзник поспособствовал вступлению России в Венский союз, предопределив дальнейшее военно-политическое разделение Европы и подготовку к большой войне. Новый виток истории Балтийского вопроса во внешней политике Российской империи углубил разделение Европы, когда в ряд противников Венского блока включились Голландия, Дания и Швеция (последняя, по сути, разорвала подписанный ещё при Петре I Стокгольмский договор 1724 года), на сторону Венского блока из Ганноверского перешла Пруссия. 17 сентября 1726 года Екатерина I возобновила заступничество в делах герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского, герцогство которого планировалось использовать в качестве плацдарма для возможного наступления [А СПб ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 89, д. 106].

Разразившийся в Европе конфликт грозил новой всеобщей войной. Однако смерть Екатерины I и раздавшиеся призывы к примирению со стороны европейских государств привели к открытию сначала в Камбре, а потом в Суассоне мирного конгресса по урегулированию.

Во внешней политике России замечается поворот в сторону от Гольштейнского вопроса. Сразу же, стоило только умереть главному безальтернативному стороннику возвращения Шлезвига Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому, Россия сначала на деле, а потом и на словах отказывается от поддержки герцога.

Первые попытки уйти от принятой ответственности были предприняты на обозначенном выше Суассонском конгрессе, на который Россия была приглашена своим главным союзником — Австрией. В инструкциях А. И. Остермана Б. И. Куракину и А. Г. Головкину прослеживается попытка, если не отказаться полностью от гарантий, то как минимум ограничить-

сы только декларацией намерений [Остерман, 1914, с. 14]. А. И. Остерман пошёл на сделку с Австрией относительно герцогства Мекленбург-Шверин, управление которым с общего согласия было передано брату бывшего герцога Карла-Леопольда [А СПб ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 89, л. 19—19об]. Позже, уже в 1732 году, когда был создан кабинет министров Анны Иоанновны [Павленко, 2018, с. 134], в котором А. И. Остерман занял ключевое положение «души» [Миних, 1874, с. 46], вице-канцлер выступил с инициативой трактата Дании, России, Цесаря, Пруссии и Англии для урегулирования Гольштейнского вопроса [А СПб ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 89, л. 40 об]. Копенгагенский договор 15 (26) мая 1732 года в итоге был подписан Россией, Австрией и Данией [Собрание трактатов ..., 1874, т. 1, с. 48]. По двум секретным артикулам этого договора, Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому была обещана выплата одного миллиона ефимков за утраченные владения со стороны датской короны, и «если герцог от выплаты откажется, то ему уже никто ничего не будет должен» [Там же, с. 59—62]. Таким образом, графу А. И. Остерману довольно легким способом удалось окончательно избавиться от обязательств перед голштинским двором.

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на личностные пристрастия правителей России, Балтийский вопрос оставался тем не менее едва ли не первым, если не считать турецкую проблему, в политической повестке. Преемственность его прослеживается на протяжении двухсот лет, с царствования Ивана Грозного и до правления Петра I и его преемников. После смерти Петра I обострение Балтийского вопроса вкупе с нараставшими в Европе противоречиями на фоне закончившейся общеевропейской войны за испанское наследство едва не привели Россию к серьёзному военному столкновению со странами Западной Европы. Во внешней политике России набрали силу связанные с монархом субъективные факторы. Екатерина I стала непримиримым сторонником возвращения Шлезвига своему зятю, ради чего российская императрица была готова начать войну с Данией и Ганноверским блоком государств. Лишь умелые действия отечественных дипломатов помогли избежать прямого столкновения, позволили вывести Россию из цикла эскалации в Европе, а также заключить союзы, которые в свою очередь обеспечили устойчивый внешнеполитический курс на десятилетия вперед.

Источники и принятые сокращения

1. А СПб ИИ РАН — *Архив* Санкт-Петербургского института истории российской академии наук. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 89 (Выписки из конференций, мемориалов и взаимных сообщений между Российскими и Австрийско-цесарскими в России бывшими министрами 1725—1741 гг. Ч. I.). Лл. 1 об., 5, 5 об., 19—19 об.

2. Сб. ИРИО — *Сборник* Императорского Российского исторического общества. Т. 40 (Переписка французского представителя в России Ж. де Кампредона с французским министерством иностранных дел). С. 306. ; Т. 49. С. 342. ; Т. 52. С. 389. ; Т. 58. С. 52, 72, 93, 118, 167, 339—341, 353. ; Т. 64. С. 35, 44, 300, 348.

3. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами / по поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс, проф. Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 1 : Трактаты с Австрией. 1648—1762. — 1874. — 367 с.*

4. *Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721—1725 / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. — Москва : унив. Тип. 1902. — Ч. 2 : 1722-й год. — 247 с.*

5. *Миних Б. Х. Записки фельдмаршала графа Миниха / Б. Х. Миних. — Санкт-Петербург : Я. А. Исаков, 1874. — 406 с.*

6. *Остерман А. И. Рассуждение о Персидских и Турецких делах / А. И. Остерман // Русский вестник : журнал. — 1841. — Т. 2. — С. 153—161.*

7. *Остерман А. И. Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами в 1726 году / А. И. Остерман // Северный архив : журнал. — 1828. — № 1, 2. — С. 3—61.*

8. *Остерман А. И. Из переписки барона А. И. Остермана : (Письма к кн. Б. И. Куракину и гр. А. П. [!Г.] Головкину. 1727—1729) / [Публ. и авт. вступ. статьи] М. Полиевктов. — Москва : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. — 32 с.*

9. *Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в / А. Поссевино ; пер., вступ. ст. и коммент. Л. Н. Годовиковой. — Москва : Изд-во МГУ, 1983. — 271 с.*

Литература

1. *Алиев Ф. Н. Иван Грозный и Петр Великий : сравнительное исследование проводимых реформ / Ф. Н. Алиев, О. С. Бадюл // Global & Regional Research. — 2021. — № 3. — С. 211—216.*

2. *Брикнер А. Г. Австрийские дипломаты в России (по документам Венского архива) / А. Г. Брикнер // Вестник Европы. — 1893. — Кн. XII. — С. 506—559.*

3. *Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Господство Дома св. Владимира, X—XVI столетия / Н. И. Костомаров. — Санкт-Петербург : Лит. фонд, 1912. — Книга 1. — 441 с.*

4. *Краснянский Д. Е. Балтийский вопрос в XVI—XVIII веках и трансформация Московского царства в Россию / Д. Е. Краснянский // Инновации в гражданской авиации. — 2019. — № 1. — С. 5—15.*

5. *Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725—1739 / Г. А. Некрасов. — Москва : Наука, 1976. — 320 с.*

6. *Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны : Ништадтский мир / Л. А. Никифоров. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 498 с.*

7. *Павленко Н. И. Граф Остерман / Н. И. Павленко. — Москва : Проспект, 2018. — 191 с. — ISBN 978-5-9988-0472-4.*

8. *Соловьев С. М. Сочинения в 18 кн. : История России с древнейших времен : Т. 21—22 / С. М. Соловьев. — Москва : Мысль, 1993. — Книга 11. — 620 с.*

9. *Феокистов С. А. Состояние международных дел в Европе и дипломатические отношения Англии и России (1719—1731 гг.) / С. А. Феокистов // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — 2012. — № 4. — С. 51—60.*

10. Филюшкин А. И. Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного / А. И. Филюшкин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 318 с. — ISBN 978-5-4448-0919-8.

11. Черняк Е. Б. Система международных отношений в Европе 18 в. / Е. Б. Черняк // История Европы : Европа Нового времени (XVII—XVIII века). — Москва : Наука, 1994. — Т. 4. — С. 430—456. — ISBN 5-02-010065-X.

12. Эйльбарт Н. В. «Апология» царя Ивана Грозного Г. Самуэля Тройера как инструмент формирования положительного образа российской монархии в Европе в петровскую эпоху / Н. В. Эйльбарт // Вестник РУДН. Серия : История России. — 2022. — Том 21. — № 3. — С. 376—383. — DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-376-383>.

Статья поступила в редакцию 03.01.2023,
одобрена после рецензирования 02.03.2023,
подготовлена к публикации 25.03.2023.

Material resources

- A Spb AI RAS — A St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences. In: *Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences*. (In Russ.).
- Berkholts, F. V. (1902). *Diary of the chamber-junker F. V. Berkholts. 1721—1725*, 2: 1722. Moscow: univ. Type. 247 p. (In Russ.).
- Sbs. IRIO — *Collection of the Imperial Russian Historical Society*, 40 (*Correspondence of the French representative in Russia Zh. de Campredona with the French Ministry of Foreign Affairs*). (In Russ.).
- Minikh, B. H. (1874). *Notes of Field Marshal Count Minikh*. St. Petersburg: Ya. A. Isakov. 406 p. (In Russ.).
- Osterman, A. I. (1913). *From the correspondence of Baron A. I. Osterman*. Moscow: About the history and antiquities of Russia. at Moscow. un-te. 32 p. (In Russ.).
- Osterman, A. I. (1841). Reasoning about Persian and Turkish affairs. *Russian Bulletin: journal*, 2: 153—161. (In Russ.).
- Osterman, A. I. (1828). The general state of affairs and interests of the All-Russian with all neighboring and other foreign states in 1726. *Northern Archive: magazine*, 1, 2: 3—61. (In Russ.).
- Possevino, A. (1983). *Historical writings about Russia of the XVI century*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 271 p. (In Russ.).
- The collection of treatises and conventions concluded by Russia and foreign Powers / on behalf of the Ministry of Foreign Affairs was compiled by F. Martens, Prof. Imperial St. Petersburg University*, 1: *Treatises with Austria. 1648—1762*. (1874). 367 p. (In Russ.).

References

- Aliyev, F. N., Badyul, O. S. (2021). Ivan the Terrible and Peter the Great: a comparative study of the ongoing reforms. *Global & Regional Research*, 3: 211—216. (In Russ.).
- Brickner, A. G. (1893). Austrian diplomats in Russia (according to the documents of the Vienna Archive). *Bulletin of Europe*, XII: 506—559. (In Russ.).
- Chernyak, E. B. (1994). The system of international relations in Europe of the 18th century. In: *History of Europe: Europe of Modern times (XVII—XVIII centuries)*, 4. Moscow: Science. 430—456. ISBN 5-02-010065-X. (In Russ.).

- Eilbart, N. V. (2022). “Apology” of Tsar Ivan the Terrible G. Samuel Troyer as a tool for forming a positive image of the Russian monarchy in Europe in the Petrine era. *Bulletin of the RUDN. Series: History of Russia*, 21 (3): 376—383. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-376-383>. (In Russ.).
- Feoktistov, S. A. (2012). The state of international affairs in Europe and diplomatic relations between England and Russia (1719—1731). *Humanities: actual problems of humanities and education*, 4: 51—60. (In Russ.).
- Filyushkin, A. I. (2018). *The first confrontation between Russia and Europe. Livonian War of Ivan the Terrible*. Moscow: New Literary Review. 318 p. ISBN 978-5-4448-0919-8. (In Russ.).
- Kostomarov, N. I. (1912). *Russian history in the biographies of its main figures. The domination of the House of St. Vladimir, X—XVI centuries, 1*. St. Petersburg: Lit. fund. 441 p. (In Russ.).
- Krasniansky, D. E. (2019). The Baltic question in the XVI—XVIII centuries and the transformation of the Moscow Kingdom into Russia. *Innovations in civil aviation*, 1: 5—15. (In Russ.).
- Nekrasov, G. A. (1976). *The role of Russia in European International Politics 1725—1739*. Moscow: Nauka. 320 p. (In Russ.).
- Nikiforov, L. A. (1959). *Russia's foreign policy in the last years of the Northern War: The Nishtadt Peace*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 498 p. (In Russ.).
- Pavlenko, N. I. (2018). *Count Osterman*. Moscow: Prospekt. 191 p. ISBN 978-5-9988-0472-4. (In Russ.).
- Solovyov, S. M. (1993). *Essays in 18 books: The History of Russia since ancient times, 21—22 (11)*. Moscow: Mysl. 620 p. (In Russ.).

*The article was submitted 03.01.2023;
approved after reviewing 02.03.2023;
accepted for publication 25.03.2023.*